

Англия и Русь: у истоков контактов

Елена Мельникова

England and Russia: the beginning of contacts

Elena Melnikova (Institute of World History, Russian Academy of Sciences)

Ранние контакты Англии и Древней Руси – государств, располагавшихся в разных концах Европы, – немногочисленны, слабо отражены в английских письменных источниках и совсем не упоминаются в древнерусских. Исключения составляют два эпизода – бегство на Русь сыновей Эдмунда Железнобокого и женитьба Владимира Всеволодовича Мономаха на английской принцессе Гиде. Обзор связей двух государств был сделан в фундаментальной монографии В.Т. Пашуто¹, а комментированный свод древнеанглийских текстов, упоминающих эти контакты, издан В.И. Матузовой². Со времени публикации этих трудов прошло много лет. Число письменных источников с тех пор не возросло, однако новые археологические и нумизматические находки и изменившиеся представления об общеевропейских политических и экономических процессах в VIII–XIII вв. заставляют вновь обратиться к имеющемуся материалу и попытаться проследить историю возникновения контактов Англии и Руси от первых смутных сведений о землях Восточной Европы, проникавших на Британские острова, до установления прямых сношений между двумя странами.

Первые сведения о Восточной Европе начали поступать в англо-саксонские земли задолго до образования Древнерусского государства и установления прямых отношений между двумя странами. Уже в самом раннем дошедшем до нас эпическом памятнике – поэме «Видсид» (*Widsið* – «Многостранствующий»), датируемой обычно VIII или IX в.³, трижды упоминаются финны. Поэма представляет собой три перечня (тулы), в первом из которых называются имена правителей разных народов (ll. 18–49), во втором – народы, у которых побывал придворный поэт Видсид (ll. 57–88), в третьем – эпические герои, «найденные» Видсидом во время его скитаний (ll. 110–130). Здесь представлены герои многих известных нам германских эпических песен: Германарих, Гибика, Хродгар и ещё большее количество персонажей сказаний, которые до нас не дошли; названы десятки народов, обитавших на огромной территории от Скандинавского полуострова до Египта, Месопотамии и Индии в

© Е.А. Мельникова

Статья написана при поддержке РГНФ, проект № 15-01-00311а.

¹ Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 134–135.

² Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. (Древнейшие источники по истории народов СССР). М., 1979.

³ Поэма сохранилась в единственной рукописи – «Эксетерском кодексе» конца X в. (Exeter Cathedral library, MS 3501). Невзирая на высказывавшиеся в последние два десятилетия сомнения в раннем происхождении поэмы, её датировка VIII в. разделяется большинством исследователей: Neidorf L. The Dating of *Widsið* and the Study of Germanic Antiquity // *Neophilologus*. Vol. 97/1. 2013. P. 165–183.

Раннее Средневековье, а также в древности (например, ассирияне) (ll. 82–83). В поэме, таким образом, объединена разнохарактерная информация, почерпнутая из устной эпической традиции и из учёной литературы.

Упоминания финнов, содержащиеся в первой и второй тулах, неоднородны и почерпнуты из разных источников:

1. ...Casere weold Creacum ond Celic *Finnum*...
...Кесарь правил греками, и Келик финнами...
(l. 20)
2. ... mid Creacum ic wæs ond mid *Finnum* ond mid Casere,
se þe winburga geweald ahte,
wiolena ond wilna, ond Wala rices
...у греков я был и у финнов, и у кесаря,
Который имел власть над градами винными,
Казною, золотом и землями вальскими (римскими. — *Е.М.*)
(ll. 76–78)
3. Mid Scottum ic wæs ond mid Peohtum ond mid *Scridefinnum*
У скотов я был и у пиктов, и у скридефиннов
(l. 79)⁴

В первых двух случаях финны в сознании автора поэмы сопряжены с греками и византийским императором, часть римского титула которого (*Imperator Caesar Augustus*) был воспринят им как личное имя по аналогии с именами правителей в предшествующих и последующих строках («Атила правил гуннами, Эрманрик — готами... Теодрик правил франками, Тиле — родингами» и т.д.). Финнов и греков объединяет отнесение мест их обитания далеко на восток. Именно так в древнескандинавской картине мира они помещаются в «Восточной четверти» земли и занимают дальние пределы северо-восточной и восточной частей ойкумены⁵. В третьем случае приведено «учёное» (встречается впервые в «Гетике» Иордана и у Прокопия Кесарийского, VI в.) наименование финнов (саамов?) — *скридефиннов* «скользящие [на лыжах] финны»⁶. Этноним, вероятно, заимствован в учёной литературе (источник не установлен), но местоположение народа переосмыслено автором поэмы (или обществом в целом): если Иордан и Прокопий помещают скридефиннов на северо-востоке Европы, но остается неясным, понимают ли они под этим этнонимом финнов или саамов, то в «Видсиде» они причислены к народам, обитавшим непосредственно к северу от Англо-Саксонской Англии — пиктам и скоттам, что делает вероятным их отождествление с саамами севера Фенноскандии, а не с финнами.

Особый интерес представляет имя правителя финнов в l.20 — *Celic*, которое К. Мэлоун сопоставил с именем героя финского эпоса Калева, великана-родоначальника богатырей⁷. Если это сопоставление справедливо, то оно обнаруживает значительно более глубокое знакомство автора «Видсида» или его ин-

⁴ Цит. по изданию: Widsith / Ed. K. Malone. Copenhagen, 1962. Русский перевод: Древнеанглийская поэзия / Изд. подг. О.А. Смирницкая, В.Г. Тихомиров. М., 1982. С. 15, 19 (с моими уточнениями). Здесь и далее я привожу только те тексты, которые не были включены в издание древнеанглийских источников В.И. Матузовой.

⁵ Об ориентации и членении пространства в древнескандинавской культуре см.: Джаксон Т.Н. Ориентационные принципы организации пространства в картине мира средневекового скандинава // Одиссей: Человек в истории. М., 1994. С. 54–64.

⁶ Whitaker I. Scridefinnas in *Widsið* // *Neophilologus*. Vol. 66. 1982. P. 602–608.

⁷ Malone K. Glossary of proper names // Widsith. *Celic*.

форманта с финским миром: он знает не только о самом факте существования финнов, но и об их культуре – верованиях и эпическом фонде.

Крайним пределом ойкумены воспринимал землю финнов создатель героической эпопеи «Беовульф» (VIII в.)⁸. Она упомянута в рассказе Беовульфа о его юношеском подвиге в ходе «героической перебранки»⁹ на пиру у короля данов Хротгара:

No ic on niht gefrægn under heofones hwælf heardran feohthan, ne on egstreamum earmran mannon; hwæþere ic fara feng feore gedigde siþes werig. Ða mec sæ opbær, flod æfter faroðe on Finna land, wadu weallendu.	Право, не знаю, под небом ночным случались ли встречи опасней этой, был ли кто в море ближе к смерти, а всё же я выжил в неравной схватке – меня, усталого, но невредимого, приливом вынесло, морским течением к финнов земле¹⁰.
---	--

В контексте перебранки, когда описание сражения Беовульфа с морскими чудовищами должно послужить доказательством его безусловного превосходства над его соперником Унфертом, земля финнов оказывается тем «концом мира», которого может достичь лишь истинный герой. Поскольку действие поэмы происходит в южной Скандинавии (геаты отождествляются с ётами, обитавшими южнее озер Веттерн и Венерн, а знаменитые палаты Хротгара – с недавно исследованным археологами комплексом вождя в Лайре VI/VII–X вв. на о. Зеландия), считается, что сюжетика поэмы имеет скандинавское происхождение. К «скандинавскому» пласту, вероятно, следует отнести и упоминание в поэме «земли финнов», с которыми жители восточной Скандинавии (в первую очередь, Свеаланда) познакомились не позднее V–VI вв., когда на юге современной Финляндии появляются первые скандинавские древности¹¹.

К концу IX в. сведения о северо-западе Восточной Европы в Англии существенно пополнялись, в первую очередь благодаря скандинавам, имевшим уже богатый опыт поездок на северо-восток. Эти сведения находят отражение в географическом разделе перевода «Истории против язычников» Павла Орозия (начало V в.), выполненного в конце IX в. при дворе уэссекского короля Альфреда Великого. Краткое описание ойкумены в книге I сочинения Орозия, основанное на поздне римской географической традиции¹², было существенно расширено и актуализировано Альфредом. Во-первых, он привёл совершенно новые сведения о народах Центральной Европы и Балтики, во-вторых, включил в свою хорографию рассказы двух очевидцев – норвежца Оттара (др.-англ.

⁸ Beowulf and the Fight at Finnsburg / Ed. Fr. Klaeber. 3rd ed. Boston, 1950. Датировка поэмы, сохранившейся в единственной рукописи, Cotton Vitellius A. XV начала XI в., является предметом споров, однако большинство исследователей склоняется к её раннему происхождению. См.: Orchard A. A Critical Companion to Beowulf. Cambridge, 2003. P. 6–7; The Dating of Beowulf / Ed. C. Chase. Toronto, 1981 (repr. 1997); The Dating of Beowulf: A Reassessment / Ed. L. Neidorf. Cambridge, 2014.

⁹ Матюшина И.Г. Перебранка в древнегерманской словесности. М., 2011.

¹⁰ Beowulf and the Fight at Finnsburg, ll. 574–581. Русский перевод: Беовульф / Пер. В. Тихомирова // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975. С. 56 (с уточнениями).

¹¹ Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973; När kom svenskarna till Finland? / Red. A.-M. Ivars, L. Huldén. Helsingfors, 2002.

¹² Мельникова Е.А. Образ мира: Эволюция географических представлений в Западной и Северной Европе V–XV вв. М., 1998. С. 63–65.

Ohthere) о плавании в Белое море и общении с саамами и финнами, а также некоего Вульфстана о поездке вдоль южного побережья Балтийского моря на восток до Трусо (в Восточной Пруссии).

В хорографии Европы Альфред перечислил народы «Германии», к которой отнёс Центральную и Северную Европу: от Средиземного моря (Wendelsæ) «и на север до того океана, который называют Морем квенов (Swensæ), между ними обитает много народов, но они называют это всё Германией»¹³. Описание «Германии» не имеет аналогий в раннесредневековой литературе ни по принципам перечисления народов (по сторонам света от народа, помещённого им в центре, например: «Свеоны имеют к югу от них рукав Моря остов; и на восток от них – серменды»¹⁴; к северу, за пустынными землями находится Квенланд, а на северо-запад – скридефинны, а на запад – нордманны»¹⁵), ни по составу народов, подавляющее большинство которых было неизвестно ни Оросию, ни современникам Альфреда на континенте¹⁶. Источники этих сведений неизвестны, и они очевидным образом отличаются от приводимых Альфредом далее рассказов Охтхере и Вульфстана (см. ниже).

Важнейшим ориентиром, организующим пространство севера Европы, Альфред считал рукав (earm) мирового океана (garsecg), названный им «Морем остов» (Ostsæ) и соответствующий Балтийскому морю¹⁷, с ним и соотносится место обитания перечисленных народов. Альфред упомянул следующие народы южного побережья Балтики: ободритов (Afdrede, Afrede) и вильцев (Wilde), «которых называют Хэфелдан (Hæfeldan = велеты»¹⁸), землю вендов (Wineda lond), «которых называют Sysyle»¹⁹. В восточной Балтике, по берегам «рукава Моря Остов» («þone sæs earm Osti»), видимо, включающего Ботнический залив, Альфред размещает три народа – квенов, остов и скридефиннов. Два последних этнонима хорошо известны позднеантичной и раннесредневековой литературе, первое – впервые появляется в европейской географии.

Осты (Osti) Альфреда были правомерно отождествлены с эстиями (Aestii) предшествующей географической литературы²⁰: впервые они упомянуты Тацитом в I в. как народ, проживающий на берегу Балтийского моря, земледельческий, собирающий и продающий янтарь²¹. Так же – в общих чертах – локализо-

¹³ «norþ of þone garsecg þe mon Cwensæ hæf: binnan þæm sindon monega þeoda, ac hit mon hæf eall Germania»: King Alfred's Orosius / Ed. H. Sweet. L., 1883. P. 14.

¹⁴ Сарматы, которые в соответствии со средневековыми географическими представлениями обитали к северу от Скифии.

¹⁵ «Sweon habbað be suþan him þone sæs earm Osti; 7 be eastan him Sermente; 7 be norþan him ofer þa westenne is Cwenland; 7 be westannorþan him sindon Scridefinnas; 7 be westan Norþmenn»: King Alfred's Orosius. P. 16.

¹⁶ См. подробно: Malone K. King Alfred's North: a Study of Medieval Geography // Speculum. 1930. Vol. 5. P. 139–167.

¹⁷ Labuda G. Źródła, sagi i legendy do najdawniejszych dziejów Polski. Warszawa, 1960. S. 63–71.

¹⁸ В другой рукописи – Æfeldan. См.: Bosworth J. [Commentary] // A literal English translation of King Alfred's Anglo-Saxon version of the compendious history of the world by Orosius. L., 1855. P. 36, note 12.

¹⁹ King Alfred's Orosius. P. 14. Этноним не получил объяснения (Bosworth J. [Commentary]. P. 37, note 23). Названием *Sysele* Альфред несколько позже (King Alfred's Orosius. P. 14) обозначает некий славянский народ, обитающий, по его мнению, к западу от Эльбы и также не идентифицированный.

²⁰ Bosworth J. [Commentary]. P. 38, note 33. См.: Saks E.V. Aestii: An Analysis of an Ancient European Civilization. Studies in the Ur-European History. Montreal; Heidelberg, 1960. Part 1.

²¹ Тацит Корнелий. Германия. 45 // Тацит Корнелий. Сочинения / Изд. подг. А.С. Бобович, Я.М. Боровский, М.Е. Сергеев. Т. 1. Л., 1969. С. 372.

вали эстиев и последующие авторы. Лишь Альфред более конкретно описал их местоположение: «Северные дены имеют на север от них тот самый морской рукав, который называется Море остов, и на востоке его живет народ остов, а на юге – [народ] афредов (ободритов. – *Е.М.*). Осты имеют к северу от них тот же морской рукав»²². Подробная же их характеристика содержится в приводимом Альфредом далее рассказе Вульфстана, которая позволила с наибольшей вероятностью отождествить их с одним из балтских племён юго-восточной Балтики, возможно, пруссами (временами встречающееся их отождествление с эстами, современными эстонцами, необоснованно)²³. Однако информация об эстиях в географическом описании не основывается на рассказе Вульфстана: в альфредовской хорографии не приводится никаких сведений, присутствующих у Вульфстана, а сам этноним представлен только в форме *Osti* в противоположность написанию *East*- или *Est*- у Вульфстана, явно сопоставленному со словом *east* «восток».

Скридефинны, как уже говорилось, известны поэме «Видсид», но сведения о них ко времени Альфреда, видимо, расширились и приобрели практический характер: знакомым – не только из учёной литературы – стало как их название, так и местоположение: к востоку от северной Норвегии и к северо-западу от Квенланда, т.е. этим «учёным» наименованием Альфред определённо обозначил саамов северной Фенноскандии.

Сведения о дальнем северо-востоке Европы пополнились к концу IX в. ещё одним этнонимом – квены (*Cweni*)²⁴, который Альфред употребил дважды в составе топонимов *Cwensæ* «Море квенов» и *Cwenland* «земля квенов». «Морем квенов» Альфред называл северную часть океана: «[Германия располагается от Средиземного моря] и к северу до того океана (*garsecg*), который называется Морем квенов»²⁵, т.е. на его ментальной карте квены помещены на дальнем севере, что подтверждается и прямой их локализацией к северу от свеонов (обитающих в Средней Швеции): «Свеоны имеют к югу рукав Моря остов, и на востоке от них серменды, и на севере от них, через пустыню находится Квенланд, и на севере от них обитают скридфинны, и на западе – нордманны»²⁶. Западно-финское племя квенов, по общему мнению, занимало в раннем средневековье земли на обоих берегах северной части Ботнического залива, прежде всего в современных областях Норботен и Эстерботен и действительно соседствовало со свеями²⁷.

Источник сведений Альфреда неясен. Альфред мог бы почерпнуть их в рассказе Охтхере, который повествует о местонахождении квенов и об их нападениях на норвежцев через Къэль: «А за этой землёй к югу, с другой стороны пустынных гор (хребтом Къэль. – *Е.М.*), находится Свеоланд, эта земля

²² King Alfred's Orosius. P. 16; Мамузова В.И. Указ. соч. С. 23.

²³ Cross S.H. Notes on King Alfred's North: Osti, Este // *Speculum*. 1931. Vol. 6. № 2. P. 296–299; Malone K. On King Alfred's Geographical Treatise // *Speculum*. 1933. Vol. 8. № 1. P. 67–78.

²⁴ Финн. *Kainulainen*. Топонимы с основой *kain*- встречаются и на восточном, и на западном берегу Ботнического залива, что указывает на исконную область обитания квенов.

²⁵ «7 norþ of þone garsecg þe mon Cwensæ hætt»: King Alfred's Orosius. P. 14.

²⁶ Ibid. P. 16; Мамузова В.И. Указ. соч. С. 23.

²⁷ *Vilkuna K.* Kainuu-Kvänland // *Skrifter udg. af Kgl. Gustav Adolfs Akademien*. Uppsala, 1946. B. 46; *Julku K.* Kvenland – Kainuunmaa. Oulu, 1986. P. 11–24; *Valtonen I.* A Land beyond Seas and Mountains: A Study of References to Finland in Anglo-Saxon Sources // *Suomen varhaishistoria*. Rovaniemi, 1992; Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения (Древнейшие источники по истории народов СССР). М., 1986. С. 209.

[простирается] на север; а с другой стороны этой земли на севере Квенланд. И иногда квены нападают на нордманов (норвежцев. — *Е.М.*) через эту пустынную землю, а иногда нордманы на них; и за теми горами очень много озёр; и квены перетаскивают свои суда по земле до этих озёр, а затем нападают на нордманов; их суда очень маленькие и очень лёгкие»²⁸. Однако отсюда не явствует, что квены жили у северной части океана; по Охтхере, «пустынные земли» отделяют их от норвежцев, а не от свеев, как писал Альфред (впрочем, «пустынными землями» он мог назвать и любую другую территорию). Более того, Охтхере описывает взаимное расположение квенон и норвежцев, тогда как Альфред соотнёс их со свеями. Против использования Альфредом в его хорографии информации рассказа Охтхере говорит и то, что он не включил в неё два других северных народа, о которых Охтхере повествовал очень подробно — финнов и бьярмов. Таким образом, можно полагать, что информация об остах, квенах и скридефиннах у Альфреда независима от записанных им рассказов путешественников и восходит к сведениям, распространенным в англо-саксонском обществе его времени.

Рассказы Охтхере (др.-сканд. *Óttarr*)²⁹ и Вульфстана³⁰ — в противоположность хорографии Альфреда — не систематическое географическое описание по заданной модели, а свободные повествования об их путешествиях и встречах с ними народами. Оба содержат характеристику плавания с указанием длительности движения в определённом направлении (например, Охтхере «поехал прямо на север вдоль берега, и в течение трёх дней на всём пути оставлял он эту необитаемую землю по правому борту, а открытое море — по левому борту»³¹), пространное описание жизни и обычаев бьярмов³² и «финнов»-саамов у Охтхере и эстиев³³ у Вульфстана.

При всей чрезвычайной ценности (для нас) информации о жизни и обычаях северных и балтийских народов, содержащейся в «Орозии» короля Альфреда, она не получила продолжения в англо-саксонский и средневековой английской культуре. Ни бьярмы, ни эстии, ни квены больше нигде не упоминались. Лишь

²⁸ «Ðonne is toemnes þæm lande syðewearðum, on oðre healfe þæs mores, Sweoland, oþ þæt land norðewearð; 7 toemnes þæm lande norðewearðum Cwena land. Þa Cwenas hergiað hwilum on ða Norðmen ofer ðone mor, hwilum þa Norðmen on hy. 7 þær sint swiðe micle meras fersce geond þa moras; 7 berað þa Cwenas hyra scyru ofer land on ða meras, 7 þanon hergiað on ða Norðmen; hy habbað swyðe lytle scyru 7 swyðe leohte»: King Alfred's Orosius. P. 19. См. подробнее: *Ross A.S.C. Ohthere's «Cwenas and Lakes» // The Geographical Journal. 1954. Vol. 120.*

²⁹ Ohthere's Voyages: A late 9th-century account of voyages along the coasts of Norway and Denmark and its cultural context / Ed. J. Bately & A. Englert. Roskilde, 2007. Перевод на русский язык: *Матузова В.И.* Указ. соч. С. 24–25.

³⁰ Wulfstan's Voyage: The Baltic Sea region in the early Viking Age as seen from shipboard / Ed. A. Englert & A. Trakadas. Roskilde, 2009. Перевод на русский язык: *Матузова В.И.* Указ. соч. С. 25–27.

³¹ King Alfred's Orosius. P. 13. Перевод на русский язык: *Матузова В.И.* Указ. соч. С. 24; Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Конаваловой, А.В. Подосинова. М., 2009. Т. V. С. 16 (перевод В.И. Матузовой с уточнениями Е.А. Мельниковой).

³² Соответствует др.-исл. *bjarmar*. Попытки установить этимологию этнонима абсолютно убедительного результата не дали. Наиболее вероятно его происхождение из прибалт.-фин. *perämaa* «задняя земля, земля за рубежом». Этот же корень лежит в основе др.-рус. *Пермь*. См.: *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (Древнейшие источники по истории Восточной Европы). М., 2012. С. 639–642.

³³ *Lübke Ch. with a note by P. Urbančzyk.* Ests, Slavs and Saxons: ethnic groups and political structures // Wulfstan's Voyage. P. 50–57.

на Англо-саксонской карте мира второй четверти XI в. встречается слабый отголосок этой обширной информации: на самом севере, на острове, названном Исландией, обозначены скридефинны в форме древнеанглийского множественного числа *Scridefinnas* (при том, что все остальные надписи сделаны на латинском языке)³⁴.

Появление и накопление информации о севере Европы и восточной части Балтики и особый интерес к этим регионам в Англии VIII–IX вв. были вполне закономерными. Расширение географического кругозора именно в этом направлении явилось результатом формирования с конца VII в. единого геоэкономического пространства от северо-западной Франкии и Англии (от Северного моря) через Балтийское море и систему речных путей Восточной Европы до Каспийского моря и стран Арабского халифата. Это пространство объединялось трансконтинентальным «северным» путём, сложившимся после арабских завоеваний в Средиземноморье и в определённой степени заменившим разрушенную арабами средиземноморскую систему коммуникаций³⁵. Завершение его формирования на всём протяжении определяется началом поступления в Северную Европу (вплоть до Норвегии и Дании) восточного серебра – рубежом VIII–IX вв., к концу IX в. оно достигло и североморского бассейна, хотя и в очень небольшом количестве³⁶. В двух кладах, найденных на бывшем о. Виринген (Wieringen, ныне муниципалитет на севере Нидерландов) у деревни Вестерклиф (Westerklief) и имеющих датское происхождение, содержатся, наряду с рубленным серебром и франкскими монетами, восточные дирхемы³⁷. В первом кладе присутствуют два сасанидских и один аббасидский дирхем, превращённые в привески, во втором – 95 арабских монет или подражаний им (54 монеты фрагментированы). Первый клад датируется по младшей монете временем около 850 г., второй – началом 880-х гг.

Уже к середине VIII в. североморско-балтийская система коммуникаций достигла восточной Балтики и распространилась в глубь континента: в середине VIII в. (а возможно, и раньше)³⁸ возникает Ладога (Aldeigja древнескандинавских источников) – крупный торгово-ремесленный центр, остававшийся на протяжении нескольких десятилетий конечным пунктом на пути «Запад–Восток». Эта роль Ладоги – и как конечного центра перераспределения товаров западного и местного (прежде всего пушнины) происхождения, и как форпоста на пути далее на восток – маркируется многочисленными импортами из Скандинавии, включая Данию, и из Западной Европы, прежде всего Фризии. В значительной части фризские импорты в Восточной Балтике и в Ладоге, как и восточные

³⁴ Чекин Л. С. Картография христианского средневековья. VIII–XIII вв. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы). М., 1999. С. 119–121.

³⁵ Pirenne H. Mohammed and Charlemagne. L., 1939; Hodges R., Whitehouse D. Mohammed, Charlemagne and the Origins of Europe: Archaeology and the Pirenne thesis. L., 1983; Мельникова Е. А. Европейский контекст возникновения древнерусской государственности // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 240–269.

³⁶ Обзор см.: Moesgaard J. C. The Vikings on the Continent: the numismatic evidence // Viking trade and settlement in continental Western Europe / Ed. I. S. Klæsøe. Copenhagen, 2010. P. 123–144.

³⁷ Благодарю А. А. Горского, обратившего моё внимание на публикацию кладов: Besteman J. Two Viking hoards from the former island of Wieringen (the Netherlands): Viking relations with Frisia in archaeological perspective // Land, sea and home. Proceedings of a conference on Viking-Age settlement, at Cardiff, July 2001 / Ed. J. Hines, A. Lane, M. Redknap. Leeds, 2004. P. 93–108.

³⁸ Кирпичников А. Н., Сарабянов В. Д. Старая Ладога – древняя столица Руси. СПб., 2003. С. 132, 138.

в Западной Европе – результат транзитной торговли (через датский Хедебю, где найдены как фризские, так и арабские монеты)³⁹, в которую уже в VIII в. включились скандинавы, потеснив фризов на Балтике. Однако материалы Старой Ладogi, прежде всего производство ранних типов костяных гребней, дали основание говорить о работавших здесь фризских ремесленниках⁴⁰. Таким образом, информация о восточно-балтийском регионе, включая области вокруг и к северу от Ботнического залива, могла достигнуть Англии при посредстве скандинавских воинов и купцов, бывавших «на Западе и на Востоке», как некий Хальвдан, поминаемый в шведской рунической надписи XI в., знаменитые норвежские конунги Олав Трюггвасон, Олав Харальдссон и сотни других безвестных скандинавов.

Через скандинавские страны спустя столетие стали осуществляться и связи, которые условно можно назвать политическими. К тому времени как в Скандинавии, так и в восточнославянском мире сформировались государственные образования, проводившие более или менее последовательную внешнюю политику, в рамках которой известны два эпизода англо-русских контактов⁴¹.

В первой трети XI в. отношения Руси, Швеции, Дании и Норвегии в значительной степени определялись экспансионистской политикой в Скандинавии англо-датского короля Кнута Великого (1016–1035)⁴². Конец X и начало XI в. ознаменовались в Англии новой волной скандинавских завоеваний, которые теперь, в отличие от IX–X вв., носили государственный характер: датский король Свейн Вилобородый после серии нападений захватил центральную часть Англии и на Рождество 1013 г. был коронован в качестве английского короля. Этельред Нерешительный сначала отослал своих сыновей в Нормандию (откуда была родом его жена Эмма), а затем, после поражения, последовал за ними. Скорая смерть Свейна (3 февраля 1014 г.) вызвала продолжение борьбы за английский трон, победителем из которой после смерти Этельреда 23 апреля 1016 г. вышел сын Свейна Кнут, ставший через два года также королём Дании, в 1028 г. – правителем Норвегии и, вероятно, части Швеции.

Наиболее серьёзное сопротивление Кнуту при его завоевании Англии оказал старший сын и преемник Этельреда Нерешительного Эдмунд, прозванный Железнобоким. Невзирая на отчаянное сопротивление, он был вынужден заключить договор с Кнутом (после битвы 18 октября 1016 г.), по которому Эдмунд оставался королём Уэссекса, а Кнут владел центральной и северной Англией, некогда образовавшими Область датского права (др.-англ. *Dena lagu*, др.-сканд. *Danelag*). Однако Эдмунд умер уже 30 ноября того же года (предположительно отравленный по приказу Кнута), оставив двух малолетних сыновей – Эдуарда, получившего впоследствии прозвище Дитя или Изгнан-

³⁹ *Jensen J.S., Kromann A. Cufic Coins in Denmark // Byzantium and Islam in Scandinavia / Ed. E. Piltz. Jonsered, 1998. P. 71–76.* Почти все датские монеты чеканены в Средней Азии и нередко сочетаются с восточноевропейскими импортами, что, безусловно, указывает на их поступление через Восточную Европу.

⁴⁰ *Давидан О.И. Гребни Старой Ладogi // Археологические сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. 4. 1962. С. 103–108.*

⁴¹ См. о них: *Гаврилин М.Р. Киевская Русь и Английское королевство в XI веке в свете скандинавских источников // Rossica antiqua. 2013. № 2. С. 23–40* (статья содержит много неточностей и ошибок, но справедливо акцентирует роль Скандинавских стран в осуществлении англо-русских контактов).

⁴² См.: *Мельникова Е.А. Балтийская политика Ярослава Мудрого // Ярослав Мудрый и его эпоха / Под ред. И.Н. Данилевского, Е.А. Мельниковой. М., 2008. С. 78–133.*

ник (как считается, ему было несколько месяцев от роду), и Эдмунда. Жизнь детей оказалась в крайней опасности, поскольку они, как законные наследники англо-саксонской династии, представляли угрозу правлению Кнута. Об их судьбе первым сообщает Адам Бременский (ок. 1070 г.): «а его (Эдмунда Железнобокого. — *Е.М.*) сыновья были присуждены к изгнанию в Руссию»⁴³. Во второй и третьей редакциях так называемых «Законов Эдуарда Исповедника»⁴⁴ более подробно сообщается: «Этот упомянутый выше Эдмунд (Железнобокий. — *Е.М.*) имел некоего сына, которого звали Эдуардом, который по смерти отца, страшась короля Кнута, бежал из этой страны в землю ругов, которую мы называем Руссией. Какового король той страны, по имени Малесклюд (Ярослав Мудрый. — *Е.М.*), выслушав и расспросив, кто он и откуда, принял его с почётом»⁴⁵.

В самом тексте «Хроники» Роджера из Ховедена под 1017 г. сообщается о бегстве малолетних сыновей Эдмунда, но Русь не упоминается: «Эдрик также дал ему совет убить наследников, Эдуарда и Эдмунда, сыновей короля Эдмунда. Но поскольку он (Кнут. — *Е.М.*) счёл для себя большим позором, если они будут умерщвлены в Англии, то по прошествии короткого времени он отослал их к королю свеев, чтобы они были убиты. Хотя между ними (Кнутом и Олавом Шётконунгом шведским. — *Е.М.*) был договор, он (Олав. — *Е.М.*) никоим образом не хотел согласиться на его (Кнута. — *Е.М.*) просьбы, но отослал их, сохранив им жизнь, к Саломону (1053–1087. — *Е.М.*), королю венгров, на воспитание, и один из них, а именно Эдмунд, по прошествии времени окончил там [свою] жизнь. Эдуард же принял в жены Агату, дочь германского императора Генриха (III, 1046–1056. — *Е.М.*), от которой родил Маргарет, позднее королеву скоттов, Кристину, деву-монахиню, а также наследника Эдгара»⁴⁶.

⁴³ «filii eius in Ruzziam exilio dampnati»: *Adam Bremensis. Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum*. II.53 / Hrsg. B. Schmeidler. 3 Aufl. Hannover; Leipzig, 1917; русское издание: *Адам Бременский. Деяния архиепископов гамбургской церкви* / Пер. В.В. Рыбакова // *Немецкие анналы и хроники X–XI столетий*. М., 2012. С. 357. См. об этом сюжете: *Пауцто В.Т.* Указ. соч. С. 134–135.

⁴⁴ Название условно, так как первая редакция Законов (состоящая из 34 глав), посвящённых юридически установленным формам церковного и королевского мира, составлена в 1130-х гг. (Эдуард Исповедник ум. в 1066). Интересующий нас пассаж включён во вторую (ок. 1140 г.) и третью (до конца третьей четверти XII в.) редакции Законов из 39 глав; добавленные пять глав содержат в основном разнообразные исторические сведения, в том числе заметку о судьбе наследников Эдмунда Железнобокого. См. исследование и публикацию: *God's peace and king's peace: the laws of Edward the Confessor* / Ed. and transl. by B.R. O'Brien. Philadelphia, 1999. 14 рукописей первой и второй редакций представляют собой по преимуществу сборники юридического содержания; третья редакция включена в юридические дополнения к «Хронике» Роджера из Ховедена (см.: *Матузова В.И.* Указ. соч. С. 55–59).

⁴⁵ Текст приводится по изданию 2-й редакции «Законов»: «Iste supradictus Eadmundus habuit filium quendam, qui uocatus est Edwardus, qui, mortuo patre timore regis Canuti aufugit de ista terra usque ad terram Rugorum, quam nos uocamus Russeiam. Quem rex ipsius terre, Malesccludus (вар. Malesccludus. — *Е.М.*) nomine, ut audiuit et intellexit, quis esset et unde esset, honeste retinuit eum»: *Leges Edwardi Confessoris*. Version 2 (URL http://www.earlyenglishlaws.ac.uk/laws/texts/ecf2/view/#edition,1_0_c_34_3/commentary,1_0_c_2_5 (дата обращения: 5.06.2015)). См. также: *Lieberman F.* Die Gesetze der Angel-Sachsen. Halle a. Saale, 1898. Bd. I. S. 664.

⁴⁶ «Dedit etiam consilium Edricus, ut Clitunculos Eadwardum et Eadmundum, regis Eadmundi filios necaret. Sed quia magnum dedecus sibi videbatur, ut in Anglia perimerentur, parvo elapso tempore, ad regem Suaverum occidentos misit. Qui licet foedus esset inter eos, precibus illius nullatenus acquiescere voluit: sed illos ad regem Ungariorum Salomonem nomine misit nutriendos, vitaeque reservandos; quorum unus, scilicet Eadmindus, processu temporis ibidem vitam finivit. Eadwardus vero Agatham filiam germani imperatoris Henrici in matrimonium accepit, ex qua Margaretam, postea Scottorum reginam, et Christinam sanctimoniam virginem, et Clitonem Edgarum suscepit»: *Chronica magistri Rogeri de Houedene* / Ed. W. Stubbs. L., 1868. P. 86–87.

Невзирая на отсутствие прямого указания на пребывание малолетних сыновей Эдмунда на Руси, из текста явствует, что какое-то, пусть недолгое время, они должны были находиться здесь: миновать Русь на пути из Швеции в Венгрию они никак не могли. Этот же текст повторяется в «Хронике из хроник» Иоанна Вустерского, которая завершается 1140 г.⁴⁷

Дополнительные сведения сообщает Жеффрей Гаймар, автор стихотворной «Истории англоу» (первая половина XII в.):

«Добрый человек (датчанин Вальгар. — *Е.М.*) не стал медлить:...
лишь с тремя кораблями пустился он в море
и завершил своё путешествие [таким образом],
что всего в пять дней проехал Руссию
и прибыл в Венгерскую землю»⁴⁸.

Совокупность сведений источников позволяет в общих чертах восстановить историю спасения сыновей Эдмунда и их дальнейшую судьбу⁴⁹. После смерти Эдмунда Кнут отправил его детей под присмотром некоего датчанина Вальгара в Швецию, король которой, Олав Шётконунг (ум. после 1020 г.), был сводным братом Кнута. Судя по приведённым источникам, Кнут планировал убийство детей по политическим соображениям — как возможных претендентов на английский трон, но не хотел, чтобы их убийство совершилось на английской земле, где это могло вызвать негодование англо-саксонской знати. Однако Олав, который в то время был в дружеских отношениях с Кнутом (союзнических, как отмечали Роджер из Ховедена и другие хронисты, направленных против их общего врага Олава Харальдссона, только что утвердившегося на норвежском троне)⁵⁰, отправил их далее на Русь к Ярославу Мудрому, своему союзнику⁵¹, куда они могли прибыть не ранее лета или осени 1017 г. Неясно, насколько достоверно сообщение Жеффрея Гаймара о краткости пребывания детей на Руси, что, впрочем, вполне вероятно. В 1017–1018 гг., в разгар братоубийственной войны за киевский стол после смерти Владимира Святославича Ярослав был не только в высшей степени занят военными действиями против Святополка, но и находился в дружественных отношениях с Кнутом⁵², что делало пребывание детей Эдмунда, представлявших опасность для Кнута, вряд ли желательным и удобным для Ярослава⁵³. По этим или иным причинам Эдуард и его брат были отосланы в Венгрию, где и остались на долгое время, пока в 1056 г. Эдуард Исповедник не послал за Эдуардом, сделав его своим наследником. После смер-

⁴⁷ The Chronicle of John of Worcester: The Annals from 1067 to 1140 with the Gloucester interpolations and the continuation to 1141, s.a. 1017 / Ed. and tr. P. McGurk. Oxford, 1998. Vol. 3.

⁴⁸ Мамузова В.И. Указ. соч. С. 38.

⁴⁹ Ronay G. The lost king of England: the East European adventures of Edward the Exile. Woodbridge, 1989.

⁵⁰ Мельникова Е.А. Балтийская политика Ярослава Мудрого. С. 87–102.

⁵¹ По другому мнению, входящему в прямое противоречие с недвусмысленными утверждениями Адама Бременского и других авторов, дети могли быть переправлены в Польшу к Болеславу I Храброму (*Guido M.A., Ravilious J.P.* From Theophanu to St. Margaret of Scotland: A study of Agatha's ancestry // Foundations. Vol. 4. 2012. P. 81–121), что представляло бы для них не меньшую угрозу, поскольку Болеслав был дядей Кнута.

⁵² Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических отношений IX–XII веков. М., 2001. С. 496–498; Мельникова Е.А. Балтийская политика Ярослава Мудрого. С. 101–102.

⁵³ М.Р. Гаврилишин без какой-либо аргументации утверждает, что дети Эдмунда находились на Руси до 1046 г., что крайне маловероятно (*Гаврилишин М.Р.* Киевская Русь и Английское королевство... С. 25).

ти короля Эдуард – единственный законный представитель англо-саксонской династии – прибыл в Англию в конце августа 1057, где и умер через два дня.

Прямые связи Англии и Руси, возможно и установившиеся в то время благодаря контактам между Кнудом и Ярославом, в источниках отражения не нашли. Главным их показателем, видимо, является брак сестры Кнута Эстрид с «сыном короля из Руси»⁵⁴, которого М.Б. Свердлов и Дж. Линд отождествляют с одним из погибших в междоусобной войне сыновей Владимира⁵⁵, а А.В. Назаренко – с сыном Ярослава Ильёй, брак с которым мог быть заключён в 1019 г., но продлился недолго из-за смерти Ильи в 1020 г., после чего Эстрид вернулась в Данию⁵⁶. Однако и в этом матримониальном союзе, и, возможно, в согласованных действиях Кнута и Ярослава против польского короля Болеслава I Храброго⁵⁷ Кнут выступил прежде всего как датский, а не как английский правитель.

Скандинавское посредничество потребовалось и для заключения брака между Гидой, дочерью последнего английского короля Гарольда Годвинссона, и Владимиром Мономахом. После гибели Гарольда в битве при Гастингсе в 1066 г. Гида вместе с двумя братьями бежала во Фландрию, а затем переехала в Данию, королём которой был её дядя Свен Эстридсен. В 1074–1075 гг. она была выдана замуж за Владимира Мономаха, в то время смоленского князя⁵⁸. Вряд ли её брак мог способствовать установлению непосредственных контактов с Англией, где трон занял Вильгельм Завоеватель – победитель в битве при Гастингсе. Однако её приезд на Русь, видимо, с достаточно большой свитой, сопровождался проникновением на Русь некоторых английских культурных традиций. Одним из их проявлений было включение в литанию молитвы св. Троице, датированной Дж. Линдом серединой XII в., имён не только скандинавских, но и англо-саксонских святых мучеников: Магнус, Кнут, Бенедикт, Албан, Олав, Ботульв⁵⁹. Двумя упомянутыми английскими святыми были св. Албан (III в.), мощи которого были перевезены в Данию св. королём Кнудом незадолго до 1086 г., и Ботульв из Торни (ум. ок. 680 г.), культ которого был известен в Норвегии. К скандинавским святым мученикам принадлежали св. Олав (ум. в 1030, объявлен святым в 1031 г.), норвежский конунг, ставший святым патроном Норвегии уже в середине XI в. (его культ существовал и в Новгороде⁶⁰); св. Магнус Эрлендссон, оркнейский ярл, убитый в 1115 г. (канонизирован в 1135 г.), св. король Кнут (убит в 1086 г. в Оденсе в церкви св. Албана) и его брат Бенедикт, убитый вместе с ним. При том что знакомство автора молитвы с английскими святыми может быть отнесено на счёт окружения Гиды, в целом список «западных» святых, в скандинавской части целиком состоя-

⁵⁴ *Adam Bremensis. Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum. Schol. 39 (40); Адам Бременский. Деяния... С. 357.*

⁵⁵ *Свердлов М.Б. Скандинавы на Руси в XI в. // Скандинавский сборник. Вып. 19. Таллинн, 1974. С. 61; Lind J. De russiske ægteskaber: dynasti- og alliancepolitik i 1130'ernes Danske borgerkrig // Historisk tidskrift. København, 1992. B. 92/2. S. 227.*

⁵⁶ *Назаренко А.В. Указ. соч. С. 484–492.*

⁵⁷ Там же. С. 496–498.

⁵⁸ *Пащито В.Т. Указ. соч. С. 135–136; Назаренко А.В. Указ. соч. С. 589.*

⁵⁹ *Lind J.H. The Martyria of Odense and a twelfth-century Russian prayer. The question of Bohemian influence on Russian religious literature // The Slavonic and East European Review. Vol. 68/I. 1990. P. 1–21; Линд Дж. Почитание скандинавских святых на Руси и датско-русские отношения XII в. // История СССР. 1991. № 6. С. 188–198.*

⁶⁰ *Мельникова Е.А. Култ св. Олава в Новгороде и Константинополе // Византийский временник. Т. 56. 1996. С. 92–106.*

щий из святых королей-мучеников, имеет, вероятно, скандинавское (датское) происхождение⁶¹.

Наряду с сообщениями письменных источников, возникновение связей между Русью и Англией, но опять же в основном, видимо, через скандинавское посредство, отмечается археологическими и нумизматическими материалами. Уже в X–XI вв. в Новгороде были распространены шерстяные ткани, произведённые в Англии⁶². Поступали и монеты английской чеканки⁶³. Так, в кладе, обнаруженном в 1993 г. в Новгороде в слое второй четверти XI в. и состоявшем из 59 монет, 21 происходят из Англии (кроме них в кладе 2 византийские, остальные – западноевропейские)⁶⁴. Однако количество английских монет на территории Руси невелико⁶⁵, и наиболее вероятно, что они попали на Русь вместе со скандинавами-наёмниками, получившими ранее *danegeld*, т.е. «датские деньги» – откупы, выплачивавшиеся викингам за прекращение грабежей, особенно распространённые в эпоху Этельреда Нерешительного, и налоги, собиравшиеся Свейном и Кнутом в Англии для оплаты своих войск.

Таким образом, в X–XI вв. произошло существенное расширение и диверсификация англо-русских контактов, хотя и осуществляемых через скандинавское посредство. Однако и в таком опосредованном виде они способствовали накоплению знаний друг о друге, открывали новые политические перспективы и новые рынки сбыта своих товаров.

Первейшим показателем установившихся связей с Восточной Европой, прежде всего с Древнерусским государством, стало расширение и уточнение знаний об их географии и топографии. XII в. – время крестовых походов – ознаменовался небывалым для предшествующих столетий интересом к географии мира и, соответственно, созданию как общих хорографий, так и частных описаний отдельных регионов⁶⁶. Эта тенденция в полной мере затронула и Англию. В общих описаниях мира и энциклопедических трудах английских учёных в географические представления о Восточной Европе и Древней Руси были внесены существенные коррективы.

Прежде всего в англо-саксонской литературе в первой половине XII в. впервые появилось название Древнерусского государства – *Rus(s)ia*. Эта форма, производная от др.-рус. *Русь*, получила в Англии широкое распространение в противоположность доминирующим в континентальной литературе «антикизирующим» обозначениям, образованным по созвучию: *Ruthenia* (от наименования кельтского племени *rut(h)eni*, жившего в южной Галлии) и *Rugia* (от *rugii*, восточногерманское племя, обитавшее до Великого переселения народов в низовьях Вислы, а затем частично переселившееся в южную Норвегию – Рогаланд, частично мигрировавшее на юг). Автор сообщения о бегстве сыновей Эдмунда Железнобокого во второй редакции «Законов Эдуарда Исповедника»

⁶¹ Lind J.H. The Martyria. P. 19–20; Линд Дж. Почитание... С. 197–198.

⁶² Нахлин А. Ткани Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1963. № 123; Рыбина Е.А. Торговля средневекового Новгорода. Новгород, 2001. С. 98.

⁶³ Потин В.М. Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв.: Историко-нумизматический очерк. Л., 1968.

⁶⁴ Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Новгородский клад западноевропейских и византийских монет конца X – первой половины XI в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 год: Новое в нумизматике. М., 1996. С. 151–170.

⁶⁵ Потин В.М. Топография находок западноевропейских монет X–XIII вв. на территории Древней Руси // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 9: Нумизматика, 3. Л., 1967.

⁶⁶ Мельникова Е.А. Образ мира... С. 109–116.

(ок. 1140 г.) специально оговаривает соотношение этих наименований: «земля ругов, которую мы называем Руссией»⁶⁷, подчёркивая распространённость в Англии последнего. Именно такое название использовалось на протяжении XII в. в разных по характеру письменных источниках, включая Херефордскую карту мира, составленную около 1290 г.⁶⁸ Усвоение этой формы предполагает наличие прямых и более или менее регулярных контактов с Русью, в результате которых оно могло проникнуть и закрепиться в Англии (впрочем, наименования *Ruthenia* и *Rugia* не использовались и в Скандинавии, где существовало своё обозначение Руси – *Garðar*, *Garðaríki*).

Гервазий Тильберийский (ок. 1159–1235?), работавший по преимуществу в Германии при императорском дворе, но также в Италии и Арле, создал выдающийся для своего времени оригинальный труд «Императорские досуги», вторая книга которого посвящена истории и географии мира. Значительная часть географического материала почерпнута им у признанных авторитетов – Плиния (I в.) и Исидора Севильского (VI–VII вв.), но в традиционную хорографию он включил актуальные сведения, отсутствующие у его предшественников и современников. Прежде всего, в описание севера Европы он включает Русь, также используя названия *Russia*: «За Данией – Норвегия, за Норвегией к северу [простирается] Руссия за морем, которое соединяется как с Британским морем, так и с Ледовитым морем, отделяясь от них островами. Поэтому из одной [страны] в другую добираться легко, но долго»⁶⁹.

Обращает на себя внимание, что Русь возникла на ментальной карте Гервазия в связи с севером Норвегии: как и Альфред, Гервазий лучше представлял себе Скандинавию, которая и являлась для него точкой отсчёта для земель на дальнем севере и северо-востоке. Наслышан он был, очевидно, и о северном морском пути, соединявшем Норвегию и Русь (ср. путешествие Охтхере), – плавания норвежцев в Бьярмию (район Белого моря, вероятно, Подвинье) описываются во многих исландских сагах, и единожды – путешествие через неё на юг, в Суздальскую землю⁷⁰. Означают ли эти переклички знакомство Гервазия с «Орозием» Альфреда? Судя по рукописной традиции, сочинение Альфреда не получило широкого распространения, однако наряду с древнейшей рукописью IX–X вв. существует её полная копия XI в., а также фрагменты в рукописях XI–XII вв. Поэтому Гервазий вполне мог быть знаком с этим выдающимся произведением и использовать его, сопрягая с другой информацией о Руси, вероятно, полученной уже в Германии.

В разделе «О Паннонии» Гервазий привёл характерное для европейской традиции наименование Руси «*Рутения*», отдавая предпочтение всё же варианту «*Руссия*», и соотнёс её с Польшей: «Польша в одной своей части соприкасается с Руссией (она же Рутения), как у Лукана: “Вот и давнишний постой уходит от русских рутенов” (имеется в виду кельтское племя первых веков н.э. – *Е.М.*). В ней народ рутенов предан до пресыщения праздности, страсти к охоте и неумеренному пьянству, [и] за границы своей страны они почти никогда не выходят. Но когда души кого-либо [из них] коснётся желание странствовать,

⁶⁷ «terra Rugorum, quae nos uocamus Russeia»: Lieberman F. Die Gesetze der Angel-Sachsen. S. 664.

⁶⁸ Чекин Л.С. Картография христианского средневековья... С. 152–157.

⁶⁹ *Gervase of Tilbury. Otia Imperialia. II.7* / Ed. and transl. by E. Banks, J.W. Binns. Oxford, 2002. Перевод на русский язык: Мамузова В.И. Указ. соч. С. 66.

⁷⁰ Джаксон Т.Н. Суздаль в древнескандинавской письменности // Древнейшие государства Восточной Европы. 1984 год. М., 1985. С. 212–228.

[тот] своих рабов, которых у них множество, посылает для выполнения этого, даруя им свободу взамен положенного на совершение путешествия труда. Вот поэтому они, нищенствуя, бредут и нагие, и несчастные и, презируемые всеми христианами и язычниками, не находят себе ни врага, ни грабителя... Далее простирается Рутения на восток по направлению к Греции, как говорят на расстоянии ста дневных переходов; [из городов] её ближе всего к Норвежскому морю город Хио. В части же, которая прилегает к Хунии (Венгрии. – *Е.М.*), находится город Галиция (Галич. – *Е.А.*). Между Польшей и Руссией протекают две реки, названия которых согласно переводу их с простонародного языка звучат как Вепрь (*Aper* – Днепр. – *Е.М.*) и Браслет (*Armilla* – Нарва. – *Е.М.*). А несколько с запада обращён к Польше город Руссии Лодомирия (Владимир Волинский. – *Е.М.*). Между Грецией и Руссией обитают геты, планеты (половцы. – *Е.М.*) и кораллы (тюрки или влахи. – *Е.М.*), самые свирепые среди язычников, употребляющие в пищу сырое мясо. Но и между Польшей и Ливонией есть язычники, которые называются ярменсы (ятвяги. – *Е.М.*). Отсюда к северу простирается Ливония»⁷¹.

Описание Гервазия совмещает традиционные и актуальные сведения. К первым относится идущая ещё от античности характеристика «рутенов» как варваров, которым имманентно присущи различные пороки, в том числе леность и пьянство. Не случайно именно в контексте цитаты из Лукана он использовал политоним «*Рутения*» и перенёс образ лукановского варвара-рутена (кельта) на рутенов-русских. В противоположность «образу рутена», географические сведения Гервазия о Руссии новы и отражают современную ему реальность. Это прежде всего информация о местоположении Руси, а также о её городах. Основной точкой отсчёта здесь является Польша, через посредство которой, видимо, и поступила соответствующая информация. Но Гервазий и здесь соотносит Руссию с Норвегией – Норвежским (Ледовитым?) морем. Руссия находится к востоку от Польши, а на юго-западе граничит с Венгрией и занимает огромное пространство (сто дневных переходов) в направлении к Греции (Византии). Русь, соответственно, видится Гервазию обширной страной, протянувшейся с севера от «Норвежского моря» на юг вдоль Польши и Венгрии. Поскольку в его предшествующем описании Норвегия изображена самой северной страной перед Русью, то, вероятно, под «Норвежским морем» Гервазий понимает здесь некое водное пространство на севере («Ледовитое море?»), разделяющее Норвегию и Русь. Впрочем, вряд ли он мог сколько-нибудь точно представлять себе топографию Северной Европы. Значительно яснее для него западная граница Руси. По его мнению, Русь отделена от Польши двумя реками, названия которых уже с начала XX в. традиционно отождествляются с гидронимами Днепр (*Naper*) и Нарва (*Armilla*)⁷², хотя в действительности границы Польши проходили далеко от Днепра. Обычное наименование Днепра в средневековых источниках, начиная с Иордана (VI в.) – *Danaper*, *Danapris*, сменившее античное наименование *Борисфен*. Единственный случай употребления гидронима в аналогичной форме – *Naper* (ошибка вместо *Danaper*?) встречается на английской Херефордской карте мира (ок. 1290 г.). Гервазий знал крупнейшие горо-

⁷¹ Мамузова В.И. Указ. соч. С. 66–67. Об идентификации этнонимов и топонимов см.: Strzelczyk J. Gervasy z Tilbury. Studium z dziejów uczoności geograficznej w Średniowieczu. Warszawa, 1970, а также комментарии к изданию труда Гервазия.

⁷² Kętrzyński S. Ze studiów nad Gerwazym z Tilbury (Mistrz Wincenty i Gerwazy – Provinciale Gervasianum) // Rozprawy Akademii Umiejętności. Ser. 2. T. XXI (46). Kraków, 1903.

да, расположенные в юго-западной Руси: Киев, Владимир Волынский, Галич и даже их относительное местоположение – Киев (*Hio*) ближе всех к Норвежскому морю, т.е. расположен дальше других от границ с Польшей.

Таким образом, хотя значительная часть актуальной информации о Руси почерпнута Гервасием во время пребывания в Германии, видимо, из польских источников, можно предполагать его знакомство и с корпусом сведений о Восточной Европе, существовавшим в самой Англии. Этот корпус, несомненно, расширился ко времени Гервасия, в первую очередь, проникновением информации о Древнерусском государстве.

В начале XII в. информация об Англии фиксируется и на Руси. В этногеографическом введении к «Повести временных лет» *земля Агнянска* называется западным пределом расселения варягов-скандинавов, а далее *агняне* упоминаются в перечне европейских народов (потомков Иафета): «По сему же морю (Варяжскому = Балтийскому. – *Е.М.*) сѣдять варязи сѣмо къ вѣстоку до предѣла Симова, по тому же морю сѣдять къ западу до землѣ Агнянски и до Волошски. Афетово и то колѣно: варязи, свеи, урмане, готе, русь, агняне»⁷³.

Рассматривая начальное слово *варязи* как обобщающее наименование всех скандинавских народов, к ним относят иногда также и *агнян*, что объясняется знакомством летописца с ситуацией первой трети XI в., когда империя Кнута Великого включала в себя, наряду с Англией, Данию, Норвегию и часть Швеции⁷⁴. Однако в предыдущем предложении «земля агнянска» выступает как западная граница расселения варягов, что противоречит причислению *агнян* к скандинавам: ведь восточной границей является «предел Симов», где проживание варягов отнюдь не предполагается. Но как бы то ни было, здесь для нас важно то, что Англия попадала в поле зрения летописца начала XII в. и правильно им локализована. Учитывая путевой принцип описания, центральное место варягов и Варяжского моря как своеобразного структурного центра, а также перечень народов по Волжско-Балтийскому пути, не исключено, что источником этой части описания земли послужила скандинавская географическая традиция⁷⁵.

Прямые связи с Русью – прежде всего торговые – засвидетельствованы источниками лишь с конца XII в. В «Описании Лондона» («*Descriptio Nobilissimi Civitatis Londoniae*»), предваряющем «Житие Томаса Беккета» (ум. в 1170 г.), написанное в 1173–1174 гг. Уильямом Фитц-Стивенем, секретарём кентерберийского архиепископа, отмечаются интенсивные торговые связи лондонцев:

«В этом городе купцы от каждого народа, под небом живущего, радуются, что могут вести морскую торговлю:
Золото шлют арабы; специи и ладан – сабеи (арабы. – *Е.М.*);
Оружие – скифы; пальмовое масло из богатых лесов –
Тучная земля Вавилона; Нил – драгоценные камни;
Серы – пурпурные ткани; галлы – свои вина;
Норвеги, руссы – меха голубой и зимней белки (или: горностаев и белки. – *Е.М.*),
соболей»⁷⁶.

⁷³ Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва и М.Б. Свердлова. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Изд. 2, испр. и доп. СПб., 1996. С. 8.

⁷⁴ Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI вв. К истории названия *варягъ* // Славяноведение. 1994. № 2. С. 56–68.

⁷⁵ Мельникова Е.А. Пути в структуре ментальной карты составителя «Повести временных лет» // Древнейшие государства Восточной Европы. 2009: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М., 2010. С. 318–344.

⁷⁶ Vita sancti Thomae, Cantuariensis archiepiscopi et martyris, auctore Willelmo filio Stephani / Ed. J.C. Robertson. L., 1877. Vol. 3. P. 7. Перевод: Мамузова В.И. Указ. соч. С. 46 (с уточнением).

Особенно ценны для характеристики англо-русских торговых связей того времени два замечания в тексте. Во-первых, Фитц-Стивен конкретизировал виды пушнины, поставляемой из Норвегии и Руси: *varium, grysium, sabelina*. Первые два – наиболее ценные виды белки, голубовато-серая («сибирская») и зимняя, коричневая. Однако первое название употреблялось и для обозначения горностая⁷⁷. При этом, если белка могла вывозиться как из Руси, так и из Норвегии, то горностаи и соболь водились только на севере Восточной Европы, и поставщиком этих мехов могла быть исключительно Русь. Не случайно распространившееся в Северной и Западной Европе наименование соболиного меха получило название *sabel, sambeline, sebeline, zobel* и др., заимствование др.-рус. *соболь*⁷⁸. Перечень мехов у Фитц-Стивена показывает, что пушная торговля была настолько распространена в Англии, что сложилась специальная номенклатура для различных видов пушнины.

О популярности русских мехов и их престижности среди знати говорят запреты на их ношение. Одна из статей Статутов Вестминстерского собора 1138 г. отказывает монахиням в праве носить ценные меха: «Запрещаем также властью первоапостольной монахиням носить одежды из беличьих, собольих, куньих, бобровых мехов и золотые кольца. Уличённая в нарушении этого указа да будет предана анафеме»⁷⁹. Здесь, как и в сочинении Фитц-Стивена, перечислены и другие категории пушнины: *grysium, sabelina, martes, beverin*.

Значительно шире распространяется запрет в Статутах короля Генриха II, принятых на Геддингтонском соборе 11 февраля 1188 г.: «Повелевается также, чтобы никто не клялся всуе и чтобы никто не играл в азартные игры или кости, и чтобы никто после ближайшей Пасхи не носил [одежды из] белок или соболей или тканей пурпурного цвета»⁸⁰. Очевидно, ношение пурпурных одеяний и использование меха соболей стало прерогативой короля.

Кроме того, Фитц-Стивен писал об иноземных «купцах от каждого народа», торгующих в Лондоне. Среди прочих он называет и русских купцов. Поскольку текст поэтический, то в некоторых случаях он явно использует тропы: так, серы–китайцы не поставляли шёлка на рынки Европы сами: шёлк из Китая проходил сложный транзитный путь в несколько этапов. Учитывая этот и другие тропы, полной уверенности, что русские купцы достигали Лондона, быть не может. Однако прямые торговые связи в то время засвидетельствованы, и купцы из Руси, вероятно, приезжали в Англию. В «Казначейских свитках» конца XII в., фиксирующих денежные поступления в казну, дважды упоминается еврейский купец «из Руссии»: В 1180–1181 гг. «Исаак Руфф и Исаак из Руссии и Исаак из Беверли, иудеи, вернули по счёту 10 марок, дабы удовлетворить иск, ибо сказано о них, что долг вернули. Внесено в казну 55 шиллингов и 7 пенсов. И должны 77 шиллингов и 9 пенсов». В 1181–1182 гг. «Исаак Руфф и Исаак из Руссии и Исаак из Беверли, иудеи, вернули по счёту 77 шиллингов и 9 пенсов, дабы удовлетворить иск, ибо сказано о них, что долг вернули. Внесли в казну. И не должны более»⁸¹.

⁷⁷ Мамузова В.И. Указ. соч. С. 47–48. См. также: Veale T.V. The English Fur Trade in the Later Middle Ages. Oxford, 1966. P. 228 и др.; Martin J. Treasure in the Land of Darkness: The Fur Trade and its Significance for Medieval Russia. Cambridge, 1986.

⁷⁸ Мельникова Е.А. Древнерусские лексические заимствования в шведском языке // Древнейшие государства на территории СССР. 1982 год. М., 1984. С. 62–75.

⁷⁹ Мамузова В.И. Указ. соч. С. 104.

⁸⁰ Там же. С. 54.

⁸¹ Там же. С. 50.

Названные три купца, вероятно, вместе осуществляли торговые операции (образовывали торговое партнёрство?⁸²) – во всяком случае они несли совместные финансовые обязательства по полученному займу, который вернули в два приёма. Идентификация купцов, носивших одно и то же имя, осуществлена в первом случае по прозвищу – Ruf(f)us «Рыжий», в третьем – по месту жительства «de Beuerl». Определение второго Исаака «de Russia» «из России» осуществлено по месту его происхождения или постоянного проживания, или по месту, с которым он поддерживал более или менее регулярные контакты⁸³. Первое представляется наиболее вероятным – при наличии определения по месту жительства/происхождения «Исаак из Беверли» трудно предполагать какой-либо иной смысл в определении Исаака из России. Более того, «Исаак из России» часто отождествляется с «рабби Иче (Ица, Исаак) из Чернигова», упомянутым жившим в Лондоне грамматиком и лексикографом Моше бен Ицхак ха-Нессиа (Мошес/Моисей Ханессия; Moses ben Isaac ha-Nessiah, 1170–1215)⁸⁴. В словаре «Книга Оникса» («Сефер ха-шохам») он приводит предложенное «Исааком из Чернигова» толкование слова חַבּוּ «левиратный (деверский) брак» по созвучию и сходству семантики с древнерусским словом: «Р. Иче сказал мне, что в стране Тирас, т.е. на Руси, совокупление называют *yebum*»⁸⁵. Поскольку Моше ха-Нессиа постоянно жил в Лондоне, то встретиться с рабби Иче он мог только там, и трудно предполагать практически одновременное пребывание в Лондоне двух евреев-тёзок из Руси. Как бы то ни было, вне зависимости от отождествления обоих Исааков, обращает на себя внимание совместная деятельность, сопровождаемая общей финансовой ответственностью, еврейских купцов из Англии и Руси⁸⁶, что предполагает вовлечённость последней в широкомасштабную трансъевропейскую торговлю в XII в.

Отношения Руси и Англии до XIII в., как видим, крайне скудно освещены источниками: разрозненные, отстоящие друг от друга иногда на столетие сведения, сохранившиеся в разножанровых текстах (от эпоса до казначейских документов), дают возможность лишь пунктиром наметить основные вехи становления связей между странами. В VIII–IX вв. Восточная Европа – в северо-западной её части – впервые появилась на горизонте пространственного кругозора англосаксов и стала более знакомой в конце IX столетия. Бурные политические катаклизмы первой половины – середины XI в., вынудившие часть англосаксонской знати эмигрировать на континент, дважды привели на Русь представителей англо-саксонской королевской династии: сыновей Эдмунда Железногобокого, спасавшихся от Кнута Великого, и Гиды, бежавшей от Вильгельма Завоевателя. Но и географические сведения, и политические контакты этого

⁸² Ср. скандинавские *félæg* – одноразовые объединения купцов для заморской торговли (Мельникова Е.А. Ранние формы торговых объединений в Северной Европе // Скандинавский сборник. Вып. XXVII. Таллинн, 1982. С. 19–29).

⁸³ Такой способ образования прозвища был весьма характерен для Скандинавии XI–XIII вв.

⁸⁴ Матузова В.И. Указ. соч. С. 50; Дробкин А. Иче (Исаак) из Чернигова // Еврейская энциклопедия. Т. VIII. СПб., 1904. С. 523; Кулик А. Евреи Древней Руси: источники и историческая реконструкция // Ruthenica. Т. VII. 2008. С. 56–57.

⁸⁵ *Sefer ha-shoham (The Onyx Book)* by Moses ben Isaac Hanessiah / Ed. by B. Klar with an introduction by C. Roth. L., 1947. Pt. 1 (non vidi). Цит. по: Кулик А. Евреи Древней Руси... С. 57.

⁸⁶ О роли еврейских купцов в средневековой торговле см.: Adler E.N. Jewish Travelers in the Middle Ages. N.Y., 1987; Friedman J. B., Figg K.M. Trade, travel, and exploration in the Middle Ages. N.Y., 2000. P. 398–399.

времени — «эпохи викингов» — осуществлялись с помощью и через посредство скандинавов. Именно они, бывавшие и на востоке, и на западе Европы в качестве купцов и воинов, распространяли информацию, переносили предметы материальной культуры (в том числе монеты), устанавливали контакты между обеими сторонами. Лишь к XII в. (безусловно — к его концу, но, возможно, и раньше), можно отнести первые непосредственные связи между Английским и Древнерусским государствами. К тому времени существенно расширилась английская ойкумена, Русь вошла в число известных стран, наладились торговые отношения, в частности, пушнина с Русского Севера стала непременным предметом роскоши, показателем высокого социального и имущественного статуса англичанина.

Монголо-татарское нашествие нарушило эти связи, но вызвало повышенный интерес к Восточной Европе: «европейский поход» монголов 1241–1242 гг. потряс Европу своей неожиданностью и жестокостью. С тех пор сведения о «татарах» во всё большем количестве стали проникать в учёные труды, посланцы европейских правителей к «татарам» составляют реляции о своих поездках. Но это была уже другая Восточная Европа — враждебная и опасная.

Объём и значение экспорта российских товаров в Великобританию в 1760–1830 гг.

Чжи-Бэ Пак

The size and significance of Russian export to Great Britain, 1760–1830

Ji-bae Park (Hankuk University of Foreign Studies, Seoul, Korea)

Ещё в середине XVI в. Англия установила тесные торговые отношения с Россией через Белое море. Но с конца XVI в. голландцы опередили англичан¹ и в течение XVII в. господствовали на российском рынке². В первой четверти XVIII в. британцы расширили свои коммерческие операции и в 1730–1740-е гг. вернули утраченные позиции. К тому времени Россия утвердилась на Балтийском море и овладела портами, через которые английские купцы могли легко проникать внутрь страны для закупки товаров. Во второй половине XVIII в. Англия, остро нуждаясь в сырье для создания флота, индустриальной революции и мировой экспансии, постоянно занимала первое место в русской внешней торговле³.

Большинство историков признаёт, что в XVIII — первой четверти XIX в. русское сырьё имело большое значение для Великобритании и особенно для её кораблестроения. Ещё в середине XIX в. А. Сафронов утверждал: «Блокада портов и насильственные меры, принятые против морской торговли... произведут переворот в торговых интересах Англии и Франции. Государства

© 2016 г. Чжи-Бэ Пак

¹ Kellenbenz H. The Economic Significance of the Archangel Route (from the Late 16th to the Late 18th Century) // Journal of European Economic History. 1973. Vol. 2. № 3. P. 543–551.

² См.: Любименко И.И. Торговые сношения России с Англией и Голландией с 1553 по 1649 год // Известия АН СССР. Сер. 7: Отделение общественных наук. 1933. № 10. С. 736–737, 744–747.

³ Kahan A. The Plow, the Hammer, and Knout: An Economic History of Eighteenth-Century Russia. Chicago; L., 1985. P. 166.